

© Л. В. Хачатурян

**«МОЙ ПИСЬМЕННЫЙ ВЕРНЫЙ СТОЛ...»:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ 1939—1940 ГОДОВ***

Среди творческого наследия Серебряного века можно назвать не менее десяти архивных собраний, сопоставимых с цветаевским по охвату материалов, при этом нет ни одного, в котором роль создателя архива была бы столь велика.¹ Характерное для М. И. Цветаевой метафорическое отождествление себя как поэта и своего архива как художественной целостности становится понятным при обращении к рабочим тетрадам. «Что со мной будет — то будет и в тетради. Чего со мной не будет — того не будет и в тетради — верней: то будет — *в тетради*. Но будет или не будет — случайно, не по моей воле, вне моего замысла. Мне остается только сидеть и ждать — у вечного лирического моря — вечной поэтовой *погоды*».²

Тетради предназначались для работы за столом, точнее, они и были единственным постоянным письменным столом Цветаевой. Объемистые общие тетради в плотной, чаще всего темной обложке с крепким переплетом. Из такой тетради страницу при необходимости можно вырезать лезвием, сложно — вырвать (бывало и такое) и почти невозможно потерять.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчке
Сегодня — последний срок.³

С присущей ей методичностью Цветаева разделяла тетради на черновые (рабочие), беловые и «сводные». В последние переносились наиболее важные записи из черновых и беловых, а также из записных книжек, писем и прочитанных книг. В процессе правки записи сокращались или наоборот обрастали подробностями и комментарием. Каждый раз создание сводных тетрадей свидетельствовало о начале нового жизненного этапа.⁴ Таких периодов было два: 1932—1933-го и 1938—1939-го годов.⁵

Принятое в 1938 году окончательное решение о возвращении в СССР означало не только перемещение творческого архива из Парижа в Москву, но и ревизию рукописей. В первую очередь были переписаны или уничтожены ветхие или незначительные записи: записки, листы из блокнотов, бланки, записи на папиросных ко-

Любовь Валерьевна Хачатурян — докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автор статьи благодарит Е. И. Лубяникова за помощь при расшифровке неразборчивых фрагментов рабочей тетради.

* Исследование подготовлено в рамках проекта РФФ № 14-18-01970, в ИРЛИ РАН.

¹ См.: Коркина Е. Б. Об архиве Марины Цветаевой // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 425.

² Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради. М., 1997. С. 328—329. В статье, посвященной черновым тетрадам Цветаевой, Е. И. Лубяникова и Ю. И. Бродовская приводят более жесткую цитату: «Россия без меня обойдется, без тетрадей — нет. / Я без России обойдусь, без тетрадей — нет» (Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 606). См.: Бродовская Ю. И., Лубяникова Е. И. Черновые тетради М. И. Цветаевой 1919—1921 гг. // Вестник РГНФ. 2016. № 1. С. 111—125.

³ Цветаева М. И. Собр. соч. Т. 2. С. 311.

⁴ Поводом к ревизиям архива послужила подача С. Я. Эфроном прошения о принятии советского гражданства (июнь 1931 года) и его возобновление в конце 1937 года.

⁵ К 1932—1933 годам относится создание первой и второй сводных тетрадей (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 3, 20); к 1938—1939 годам — продолжение второй и третья (Там же. Ед. хр. 20, 21).

робках. Среди важных рукописей были выделены те, которые очевидно не имели возможности пройти советскую цензуру («Поэма о Царской Семье», «Перекоп»). Эти рукописи Цветаева оставила у знакомых и, по всей вероятности, они погибли.⁶ Другой, большей части, предстояло возвращение. Именно в эту часть Цветаева включила написанные скорописью черновые тетради, расшифровать которые без специальной подготовки практически невозможно.⁷ Транспортировка разделила рукописи Цветаевой не только на сохранившиеся и уничтоженные, но и на «архивные», т. е. созданные в относительно благополучные времена, и написанные в СССР.

16 июня 1939 года Цветаева приехала в Ленинград. Большая часть рукописей была отправлена багажом и задержана на таможне.⁸ 19 июня сделана последняя пометка в записной книжке. Именно эта дата (день приезда Цветаевой и Мура в Москву) стала внутренним рубежом. С этого времени Цветаева перестала вести дневники, т. е. «походные» или «настольные» записные книжки. Но «чего не будет в тетради — того *не будет*»: дневниковые записи в июне 1939 — августе 1941 года не исчезают, а появляются там, где их быть не должно, — в рабочих тетрадях. В архиве Цветаевой сохранилось восемь рабочих тетрадей, созданных в этот период.⁹

Каждая запись проходила внутреннюю цензуру — деление на то, что будет записано (станет текстом и возможным свидетелем против), и то, что не сохранится. Тем не менее уже через полгода Цветаева сознательно нарушила новый порядок. В конце декабря 1939 года она, параллельно с действующей рабочей тетрадью ноября 1940 — апреля 1941 года¹⁰ завела еще одну, «голицынскую»,¹¹ тридцать четвертую в общей нумерации. Эта тетрадь — необходимый антипод остальным: при необходимости одну тетрадь легче уничтожить, чем весь архив.

Тетрадь начинается с самого опасного — черновика письма И. В. Сталину.¹² Письмо опубликовано: оно написано в защиту арестованных мужа и дочери. Черновик очень сильно отличается от беловика: он крайне эмоционален, содержит следы длительной и напряженной работы.¹³ Помимо более развернутых биографии

⁶ И. Д. Шевеленко включает в утраченную в Париже часть архива М. И. Цветаевой и рабочие тетради, в которых происходила работа над поэмой «Перекоп» и «Поэмой о Царской Семье» (*Шевеленко И. Д. Предисловие // Пастернак Б. Л., Цветаева М. И. «Через лихолетье эпохи...»: Письма 1922—1936 гг. М., 2016. С. 6*).

⁷ В настоящее время из рабочих тетрадей М. И. Цветаевой полностью опубликована только так называемая «Красная тетрадь». См.: *Цветаева М. Красная тетрадь / Сост., подг. текста, прим. Е. И. Лубянской и А. И. Поповой; пер. А. И. Поповой. СПб., 2013*.

⁸ Багаж прибыл 22 июля 1939 года и был возвращен Цветаевой 25 июля и 3 августа 1940 года.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 32.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 33. Об этой тетради см.: *Лубяникова Е. И. Об одной черновой тетради Цветаевой // Марина Цветаева в XXI веке. Цветаевские чтения в Болшеве 2007, 2009 гг.: Сб. материалов. Королев, 2011. С. 173—184*.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. По названию дачного поселка писателей под Москвой (позже — Дома творчества), где Цветаева с сыном жили с (16?) декабря 1939 по 11 июня 1940 года (*Цветаева М. И. Незданное. Семья: История в письмах. М., 1999. С. 407*). О датировке этой черновой тетради см.: *Ахмадеева С. А., Лубяникова Е. И. Незвестное письмо М. И. Цветаевой к А. А. Фадееву. Попытка реконструкции // Семья Цветаевых в истории и культуре России. XV цветаевская международная научно-тематическая конференция: Сб. докладов. М., 2008. С. 390—414*.

¹² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 1—5 об. В письме отсутствует обращение, поэтому мнения исследователей жизни и творчества Цветаевой о конечном адресате письма расходятся. Так, Е. Б. Коркина, Л. Мнухин на основании письма А. С. Эфрон К. В. Воронкову предполагают, что письмо адресовано И. В. Сталину (*Мнухин Л. Письмо М. И. Цветаевой И. В. Сталину // Русская мысль. 1992. 21 авг. № 3942*). Е. И. Лубяникова склоняется к тому, что письмо могло быть обращено к Л. П. Берии, ссылаясь на публикацию белового автографа письма Цветаевой к Берии 23 декабря 1939 года (*Цветаева М. И. Собр. соч. Т. 7. С. 660—664*). Существует также вероятность, что на основе этого черновика Цветаева отправила не одно, а два почти идентичных письма.

¹³ Сначала запись велась синими чернилами; затем красными была сделана правка, написаны многочисленные вставки и продолжен основной текст; на третьем этапе окончательная

Сергея Эфрона и автобиографии, в черновике есть фрагмент, полностью отсутствующий в опубликованном варианте: «Тут упомяну, что весь мой багаж, т. е. все мое имущество — носильные вещи, мои и сына — вся моя библиотека, к(отор)ую мне в П(ариже) было разрешено увезти целиком — все хозяйство и — главное — весь мой литер(атурный) архив: рукописи, печ(атные) оттиски, переписка, весь лит(ератур)ный труд за 17 лет — д(о) с(их) п(ор) лежат на таможне — арестов(ано) до окончания следствия над моими близкими.

Я дважды писала в НКВД с просьбой разрешить мне взять хотя бы необходимые зимние вещи, но ответа не получила.

Главная же моя забота — мой архив невозвратный.

Все бумаги о принадлежности [этого] багажа мне и моему сыну у меня имеются, и думаю, арест моих вещей — чистое недоразумение.¹⁴

Мой литературный багаж у меня отнят, а писать что-н(ибудь) новое я из-из (так!) произошедшей катастр(офы) совершенно неспособна, ибо думаю только об одном: [что мой муж — честнейший чело(век) на св(ете)] о *своих*, которым ничем не могу помочь». ¹⁵

После просьбы о муже и дочери Цветаева решила попросить о рукописях, т. е. о себе. Но на последнем этапе правки эту единственную личную просьбу вычеркнула — перенесла в другое, гораздо менее важное письмо А. А. Фадееву.¹⁶ За черновиками писем сверху страницы идет запись теми же чернилами. Эта запись (начинающаяся сразу с «Потому что...») — ответ на постоянно задаваемый себе вопрос: «Потому что если мне не писать — на что мне жить и для чего мне жить? Работа — великое отречение от всего, и я всю жизнь работала. [Я думаю — если бы] (...).»¹⁷

В тридцать четвертой тетради это «если...» было зачеркнуто.

На следующем листе Цветаева еще раз переписала автобиографию (семья — первая книга стихов — главные книги — возвращение), вероятно, для очередной редакции письма Сталину. Параллельно с официальной, она выстроила биографию поэтическую: обозначила скорописью важнейшие (и наиболее созвучные ей сейчас) стихотворения: «Adieu, espace des espaces!» (перевод пушкинского «К морю»), «Новогоднее» (реквием Рильке), «Попытка ревности», «Поколение с сиренью».

Едва ли это полноценная работа над текстом. Слова (и целые строки) просто намечены буквами, и без белого текста под рукой прочитать стихотворение невозможно. Переставлены слова (кровом — словом), изменен ритм и последовательность стрóf. В расшифровке текстолога скоропись Цветаевой выглядит примерно так:

С Нов(ым) год(ом) (с)в(етом) кр(аем) сл(овом).
 Перв(ое) п(исьмо) тебе на новом
 — Недор(азумение), что (злачном) —
 Злачном — жв(ачном), м(есте) зычн(ом), мес(те) звуч(ном)
 Как Эол(ова) пус(тая) баш(ня).¹⁸

правка была сделана синим карандашом и черными чернилами, ими же написано завершение письма.

¹⁴ Вычеркнуто при первой правке (красными чернилами).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 4 об. Вычеркнуто при повторной правке (синим карандашом).

¹⁶ Там же. Л. 6—8. Черновик восстановлен. См.: *Ахмадеева С. А., Лубянникова Е. И.* Неизвестное письмо М. И. Цветаевой к А. А. Фадееву. Попытка реконструкции. С. 390—414.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 8 об.

¹⁸ Там же. Л. 10 об.

Чем точнее запомнились стихи, тем быстрее скоропись. Иногда это всего несколько букв:

Пок⟨оленью⟩ с сир⟨енью⟩
И с П⟨асхой⟩ в К⟨ремле⟩
Мой пр⟨ивет⟩ пок⟨оленью⟩
По ко⟨лено⟩ в зе⟨мле⟩ —¹⁹

При попытке ответить на вопросы зимы 1939—1940 года текстом, написанным за пять или десять лет до этого, неминуемо несовпадение. Даже если импульс стихотворения созвучен ситуации, отдельные строфы могут быть не столь универсальны.

Как только возникает подобный диссонанс, скоропись прерывается. Строфа записывается отдельно, на правой (рабочей) странице тетради. Здесь текст приводится полностью, тщательно выверяется ритм.

Не сиреной — сиренью
Заключенное в грот,
Поколению — с парнем!
С тяготением *от*
Земли! *над* землей! Прочь от
И червя, и зерна.²⁰

Цветаева вела черновые тетради с 1919 года.²¹ За это время у нее сложилась методика, позволяющая не только упорядочивать рутинную работу по подбору синонимов, складыванию каркаса стихотворения и подсчету строк и строф, но и восстанавливать прерванную правку практически на любом этапе. Подобно многим поэтам, Цветаева пользуется функциональным делением разворота рабочей тетради. На левой странице идет быстрая запись (фиксируется уже сложившийся в сознании текст), на правой — аналитическая: из общего массива текста выделяются требующие правки строфы, которые в свою очередь делятся на еще более мелкие фрагменты (строки и ряды синонимов).

В столбцах происходит перебор слов (*от* руды! еды! беды! воды! Судьи / от праха, земли, суммы, тюрьмы, семьи, межи, золы), пробуются и сравниваются варианты строк:

+ от
Земли! *От* родни! Прочь от
И червя, и зерна.
Земли! *От* межи! Прочь от
И червя, и зерна.
Земли! *От* семьи! Отойти от²²

Но видимо, ни один из них не устроил автора. Тогда, чтобы не потерять направление поиска, Цветаева записала то, что нужно найти: «NB! Нужно распространение. Земля, плоть, имущество. Либо вторично. Земля: глина и т. д. Либо *имущество*. К чему все люди тяготеют? Что б⟨олее⟩ всего держит? Земля — семья — любовь — дом — что-то тверже и больше».

В поисках метафоры Цветаева обратилась к той части своей жизни, которая традиционно оставалась за рамками и творческой, и официальной биографии. Ревизия памяти шла путем создания поэтического текста. Первые две строчки («Лю-

¹⁹ Там же. Л. 14 об.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Первая сохранившаяся черновая тетрадь Цветаевой датирована зимой 1919 года: РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 1.

²² Там же. Ед. хр. 34. Л. 15.

бовь не входит в биографию, — / Бродяга остается вне»²³) возникли сразу. Размышления о датах официальных и скрываемых, людях упоминаемых и вычеркиваемых создали основу второй строфы:

Все даты, кроме тех, незданных,
 Все ... кроме тех, в глазах.
 Все встречи кроме тех, под звездами.
 Все лица, кроме тех, в слезах.²⁴

Строфа прошла обычный путь правки: была переписана на правую страницу, появились столбцы синонимов (все строки, даты, встречи, веки, меты, пути, трагты), уточнения и авторские отступления.²⁵ Постепенно на правой странице сформировалась первая часть незавершенного стихотворения.

ВРЕМЕНА

Все даты, кроме тех, незданных,
 Все сроки, кроме тех, в глазах.
 Все карты, кроме тех, под звездами,
 Все лица, кроме тех, в слезах.

О первые мои! Последние!

Вас за руку в энциклопедию²⁶
 Ввожу, невидимый мой сонм!²⁷

Работа над собственными стихами была прервана переводами. Первая запись поэмы «Гоготур и Апшина» занимала всего один разворот. В дальнейшем переводы Важи Пшавелы (к которым добавится «Раненый барс», вторая поэма из цикла о легендарном богатыре Гоготуре) будут отнимать все больше и больше времени, в самом прямом смысле вытесняя оригинальные стихотворения.

Для переводов использовалась та же техника с поправкой на ускоренный темп работы. Разница между «своим» и «чужим» отражена в комментарии. «Всеми моими стихами (от 2.000 строк до двустипья) я обязана людям, к〈отор〉ых я любила — к〈отор〉ые меня любили — или *не* любили»;²⁸ «Господи! Как хочется *свое* и как *не* хочется — Гоготура! / У меня *свои* богатыри. Зачем мне переводить — чужие??»²⁹

Работа над переводами и оригинальными стихами в одной тетради неминуемо приводит к заимствованиям. Постоянный переход от одних столбцов синонимов к другим в определенный момент создает общий образный ряд, который одновременно использовался на разных разворотах тетради, вызывая обмен сюжетами: в лирическое стихотворение проникают образы героического эпоса — богатыри и сказочные звери.³⁰

²³ Там же. Л. 15 об.

²⁴ Там же.

²⁵ «Из мыслей про Б〈ориса〉 П〈астернака〉. У меня к Б. П. когда-то был взят такой разгон и дан такой размах, что он, жив〈ой〉, стал мне столбом, о к〈оторы〉й *все* разбилось / Он был мне *всем*. / Был мне *всем*, он стал мне чем-то, был мне *всем*, — он стал мне *им*, то есть одним из» (Там же. Л. 16).

²⁶ Вариант прочтения: Энциклопедию (с прописной буквы).

²⁷ Там же. Пропущены повторяющиеся в правке строфы и фрагменты строф. В опубликованном варианте они сохранены. Заголовок утрачен. См.: *Цветева М. И. Собр. соч. Т. 2. С. 365.*

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 19 об.

²⁹ Там же. Л. 49 об.

³⁰ Там же. Л. 48.

Черновая редакция

— Пора! Для *этого* огня —
 Стара!
 — Любовь старей меня.
 — Пятидесяти январей
 Гора!
 — Любовь — еще старей.

Стара, как хвощ, стара как змей,
 Старее сказочных зверей,
 Старее всех богатырей,
 Старей — камней, старей — корней,
 Но боль, которая в груди —
 Старей любви, старей любви...

Беловой вариант
(23 января 1940 года)

— Пора! Для *этого* огня —
 Стара!
 — Любовь старей меня.
 — Пятидесяти январей
 Гора!
 — Любовь — еще старей.

Стара, как хвощ, стара как змей,
 Старей ливонских янтарей,
 Всех привиденских кораблей
 Старей! — камней, старей — морей.
 Но боль, которая в груди —
 Старей любви, старей любви.

В беловой редакции образы Важы Пшавелы заменены собственными — морскими. Но короткая схватка «своего» и «чужого» принесла в стихотворение не совсем обычный эпитет — «привиденские корабли». В промежуточном варианте образный ряд был вполне традиционен: «Старей ливонских янтарей, / Старей голландских кораблей, / Старей камней, старей морей...», — со столь же однообразным ритмом. Но затем линия стара/старее/старей была сломана, а голландские корабли стали Летучим Голландцем, а потом и «всеми приведенскими кораблями».

Рабочие тетради диалогичны, но это внутренний диалог: у него совпадают автор и адресат.³¹ При передаче самому себе уже известной информации происходит ее анализ.³² Даже в небольшом отрывке можно проследить, как первичная сбивчивая запись постепенно замедляется до перехода рубежа между свободным от правил грамматики внутренним диалогом автора и обращенным к читателю исправленным текстом:

«Запись 21-го янв. 1940 г.

— Из ночных мыслей —

Не будь физ. близости, я бы никогда не узнала себя — слабой.

В физ. близости слабые — такие сильные, сильные — такие слабые; глупые — такие умные, умные — такие глупые, все так бесконечно-наоборот — так неузнаваемо (и так бесконечно-узнаваемо!), что не будь этой неузнаваемости, никто никогда не узнал бы — себя.

Не будучи чувственной, не будучи виртуозом на одного <так!> из пяти чувств (внутренний слух — не чувство, он душа или мысль, как хотите), я больше чем что-либо знала цену этим вещам — внутреннюю цену и внутренний смысл их.

...Поверить словам — о самом главном и тайном, себе — и этим же губам, которыми говорили, не поцеловать <так!> — дикое насилие, насильственное разделение: разврат.

В ответ на слова, взволновавшие, целовала губы, сказавшие, — так же естественно, как в продолжение слов, взволновавших, отдавала губы, сказавшие.

Губы — это наше продолжение слова, продление, углубление его.

³¹ В этом аспекте методика ведения рабочей тетради сходна с ведением дневника. Использование одной и той же коммуникативной модели порождает внешнее сходство записей: рисунки на полях, датировка, NB и т. д. См.: *Зализняк А. А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162—180. О внутренней и внешней диалогичности автодокументов Цветаевой см.: *Ахмадеева С. А.* Смыслообразование в письмах, записных книжках и сводных тетрадях Марины Цветаевой (Скобочные вставки как авторские комментарии) // Язык и культура. 2011. № 3. С. 15.

³² См.: *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 25.

„Не словами — глазами”. Не словами — губами». ³³

Цветаева намеренно не пыталась переписать или выправить предложение. Отсюда — кажущийся диссонанс падежей, склонений и предлогов, лакуны, понятные автору и достраиваемые читателем. Во второй части темп записи замедлился, вступили в силу грамматические правила. Текст стал афористичным.

На протяжении двадцати лет в сорока черновых тетрадях Цветаева непрерывно вела внутренний диалог автора и автора. Отправляла себе краткие сообщения (NB), оставляла лакуны (многие из которых невосстановимы), отмечала фрагменты текста знаками навигации. ³⁴ Иногда адресатом внутренней речи делался реальный человек. В голицынской тетради таким персонажем стал писатель и литературовед Е. Б. Тагер, гостивший в Доме литераторов зимой 1939—1940 годов. «Подмена» адресата, излюбленный прием Цветаевой, позволила выстроить в черновой тетради многослойный текст, который можно прочесть и как воспоминание об утре после отъезда Тагера, и как творческую историю стихотворения «Ушел — не ем...»: «23-го января 1940-го. Было так. Я встала и вышла. Вижу — снег. Что-то не белый. И —

...И снег не бел.
И хлеб не мил.

Потом, за завтр⟨аком⟩, под разговоры и даже свои ответы:

Кто снегом был,
И хлебом был...

Нет, не примет, скажет: преувеличиваете — это В⟨аши⟩ горести, и т. д. (А ведь — правда: снегу радовалась, п. ч. с ним были Вы, его любивший). И людям (всем, и кажд⟨ому⟩) радов⟨алась⟩, п. ч. были — Вы, не рядом, там, наверху, не сегодня, так в завтра, ⟨так!⟩ но в достижении... А каши действ⟨ительно⟩ не могла есть, сидела-сидела перед тарелкой и вдруг все смела в ведро...

Тогда: Кто снегом грел,
И небом мёл...

Снег — греет, он-то и спасает (от смерти), метель, вообще, теплая (меховая), снег — мех, но здесь, в числе элем⟨ентов⟩ вещи — двусмысленно, ибо есть вещи прямо-греющие; и иначе:

Кто дубом грел
(Дубовые дрова) Кто жаром грел
(Но есть еще другой жар, я не думаю о печках)

и:

Кто снегом мел
И небом мыл — ³⁵

Приведенный фрагмент мог бы стать стихотворением («Новогоднее»), частью эссе, статьи или дневника. От максимально открытого для правки диалога художественный текст движется к полностью завершенному произведению, не допускаю-

³³ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 46.

³⁴ Об авторской навигации как элементе текста см.: *Ляпон М. В.* 1) Языковая личность: поиск доминанты // *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*: Сб. статей. М., 1995. С. 260—276; 2) Семантика парадокса (М. Цветаева: проза, дневники, письма) // *Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: Материалы VIII научной конференции*. М., 2001. С. 255—263; *Ревзина О. Г.* Семантика вставочных конструкций // *Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идиолекта*. С. 467—488.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 47.

пчему изменений. От рабочей тетради к черновику, от черновика к беловику и гранкам автор постепенно «закрывает» рукопись, чтобы наконец она стала застывшей художественной формой, тиражируемой из издания в издание.

Не всем произведениям из тридцать четвертой рабочей тетради суждено было пройти этот путь. Личные записи не вошли в сводные тетради, часть писем не была отправлена, стихотворения остались незавершенными. Но самый первый, эмбриональный слой художественного текста мы можем увидеть именно здесь, в этом невыправленном черновике, ждущем возвращения автора к рабочему столу.

© И. Э. Кабанова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ М. ГОРЬКОГО 1930-х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА К. А. ФЕДИНА)

«Горький был биографией своего века в России. Тот, кто напишет когда-нибудь полную книгу о жизни Горького — напишет историю русских поколений конца 19-го — начала 20-го века»,¹ — утверждал К. А. Федин в черновых набросках к книге «Горький среди нас». Несомненно, такой труд создается до сих пор усилиями многих писателей и исследователей, и значительная часть его была написана Федем. В его мемуарах сделана попытка не только нарисовать портрет А. М. Горького, очистив его от напластований стремительно начавшейся при жизни канонизации,² но и воссоздать литературный контекст 1920-х годов, прежде всего вернув в российскую культуру идеологически «порочные» имена и явления — «Серапионовых братьев», Е. И. Замятина, А. М. Ремизова, Ф. Сологуба, А. Л. Волынского и др.

Существует ряд свидетельств о том, что в разные годы Федин неоднократно возвращался к замыслу создания третьей части книги «Горький среди нас», посвященной 1928—1936 годам. Но писатель слишком хорошо помнил «хождения по мукам» (по определению Федина), связанные с выходом в свет первых двух частей.³ Завершая работу над первой из них, Федин предвидел неминуемые цензурные сложности. Так, 14 мая 1941 года он писал Н. Н. Никитину: «Работа вышла не плохая, но не знаю, возможно ли ожидать ее напечатания (период!..). Само собою, она должна быть „согласована“...»⁴

Мемуары в процессе редактирования были оценены как «вещь с двойным дном».⁵ В результате, по эпистолярным признаниям Федина друзьям, они вышли в свет в «пострадавшем от усердных нянек виде»: «...одна пятая часть книги выпала вовсе, в общей сложности — больше листа, но не одной сплошной купюрой, а по

Ирина Эриковна Кабанова — заместитель директора по научной работе Государственного музея К. А. Федина (Саратов).

¹ Государственный музей К. А. Федина. Основной фонд. № 42555. Далее название музея и фонда приводится сокращенно — ГМФ ОФ.

² «В „идеале“ я считал важным дать портрет А. М., хотя бы частично (...) с теми чертами противоречий, которые ему свойственны. (...) противоречия были мне очевидны, и я не хотел создавать монолитную фигуру...» (Федин К. А. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М., 1968. С. 226—227); далее цитаты приводятся по этому изданию.

³ Впервые: Двадцатые годы (Из книги «Горький среди нас». Кн. 1) // Новый мир. 1941. № 6. С. 15—60. Отдельное издание вышло в Гослитиздате в 1943 (Ч. 1) и 1944 годах (Ч. 2).

⁴ РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. № 381. Л. 6. Разыскание Е. А. Папковой.

⁵ Художник и общество (Неопубликованные дневники К. Федина 40-х годов) / Публ. Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, прим. Н. А. Сломовой // Русская литература. 1998. № 1. С. 120 (запись в дневнике от 30 марта 1944 года).

⁶ Письмо Федина Н. Никитину от 27 мая 1942 года // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1. № 381. Л. 7.